

АЛСУ ГАФУРОВА

*Отражение на мокром стекле
или
Два года между нами...*

Алсу Гафурова

**Отражение на мокром стекле
или Два года между нами**

«Автор»

2026

Гафурова А. Р.

Отражение на мокром стекле или Два года между нами /
А. Р. Гафурова — «Автор», 2026

Вы знаете, теория многомирия уже не кажется фантастикой. Учёные говорят о бесчисленных вселенных, отстоящих от нас на толщину струны. Эзотерики шепчут о мирах, проникающих в нашу реальность сквозь тонкие, невидимые глазу щели. Мы охотно верим в это, глядя в ночное небо, усыпанное звёздами, каждая из которых — солнце для чьих-то иных миров. Но что, если эти миры находятся не где-то в далёких галактиках? Что, если они здесь, рядом, наслаиваются друг на друга в прихожей старого питерского дома, в трещине на потолке, в отблеске свечи на полированной поверхности комода? И что, если дверь в один из таких миров становится самое обыденное, самое ежедневное, что есть в нашей жизни — зеркало в ванной комнате? Эта история — о такой двери. О двух людях, которые считали, что жизнь уже состоялась, страсть осталась в прошлом, а будущее — это лишь ровная, предсказуемая дорога. Они жили в почти одинаковых квартирах, дышали почти одним воздухом, но их разделяла тончайшая, н грань — два года.

© Гафурова А. Р., 2026

© Автор, 2026

Алсу Гафурова

Отражение на мокром стекле или Два года между нами

Предисловие .

Вы знаете, теория многомирия уже не кажется фантастикой.

Учёные говорят о бесчисленных вселенных, отстоящих от нас на толщину струны. Эзотерики шепчут о мирах, проникающих в нашу реальность сквозь тонкие, невидимые глазу щели. Мы охотно верим в это, глядя в ночное небо, усыпанное звёздами, каждая из которых — солнце для чьих-то иных миров.

Но что, если эти миры находятся не где-то в далёких галактиках? Что, если они здесь, рядом, наслаиваются друг на друга в прихожей старого питерского дома, в трещине на потолке, в отблеске свечи на полированной поверхности комода? И что, если дверью в один из таких миров становится самое обыденное, самое ежедневное, что есть в нашей жизни — зеркало в ванной комнате?

Эта история — о такой двери. О двух людях, которые считали, что жизнь уже состоялась, страсть осталась в прошлом, а будущее — это лишь ровная, предсказуемая дорога. Они жили в почти идентичных квартирах, дышали почти идентичным воздухом, но их разделяла тончайшая, неодолимая грань — два года.

Он был из её будущего. Она — из его прошлого. Им потребовалась магия, чтобы встретиться в настоящем. Это история о любви, которая нашла путь сквозь время, сквозь стекло и сквозь страх остаться в одиночестве. История, которая началась с запотевшего зеркала и крика, затерявшегося в двух измерениях одновременно.

Глава первая.

"Дом, который дышит"

Воздух был густым и сладковатым, как в церковной ризнице. Пахло воском для паркета, пылью веков и едва уловимым ароматом увядших яблок — призраком прошлогоднего урожая.

Мария, сняв перчатки, провела ладонью по шершавой поверхности дубового косяка. Дом впустил их, но ещё не принял. Это чувствовалось в гулком эхе шагов по голым паркетным

плашкам, в пристальном взгляде окон, в тихом посвистывании ветра в щелях — старый дом вздыхал, оценивая новых жильцов.

Мария смахнула со лба темную прядь волос, выбившуюся из аккуратного каре. В свои сорок два она чувствовала себя немного потерянной в этом пространстве.

Невысокая, с мягкими, округлыми формами, которые сама она считала полноватостью, а посторонние взгляды часто оценивали как «ухоженную женственность», она казалась хрупкой на фоне громады стен.

Её руки, привыкшие ловко собирать букеты в маленьком цветочном бутике, теперь беспомощно повисли вдоль тела. Этими руками она вкладывала душу в каждую композицию, особенно в те, что были сделаны из алых роз и сухоцветов, пытаясь законсервировать увядающую красоту.

Когда-то, кажется, в другой жизни, они с Дмитрием мечтали о маленьком домике у моря.

Теперь эта мечта, как засушенный цветок в толстой книге, была красивым, но хрупким воспоминанием, покрытым паутиной забвения. Четыре комнаты в старом доме стали новым, достижимым горизонтом.

— Ну что, хозяйка, как ощущения? — Дмитрий вошел в гостиную, снимая дорогую, но практичную куртку.

Мужчина сорока семи лет, он стоял на земле так твердо, будто вращал в нее корнями. Его лицо, с четкими, деловыми чертами, было раскрасневшимся от напряжения переезда, но глаза сияли удовлетворением.

Он любил начинания, проекты, точку отсчета. — Просторно, а? Карине — свой угол, тебе — мастерская у окна, мне — кабинет. Всё, как мы хотели.

Семья— это дело серьезное, раз и навсегда.

А раз все спокойно и стабильно, значит, всё нормально.

Мы достигли того, о чем многие мечтают.

«Как мы хотели».

Мария кивнула, стараясь вложить в улыбку как можно больше тепла.

Да, они хотели.

Хотели больше места, хотели сменить обстановку. Восемнадцать лет.

Это был хороший, прочный брак. Как диван, купленный когда-то в расцвете любви, — яркий, удобный, желанный.

А теперь обивка выцвела на солнце, а в складках затерялись крошки былых чувств.

— Огромно, — наконец выдавила она, глядя на громоздкую люстру с хрустальными подвесками, похожими на слезы. — Надо будет привыкнуть.

— Привыкнем! — бодро сказал Дмитрий и потянулся её обнять. Его объятия были привычными, тёплыми, чуть рассеянными.

Он уже мысленно расставлял мебель. — Пойду, разберу коробки с посудой и инструментами.

Осваивай свои владения.

В дверном проеме появилась Карина. Девочка-подросток шестнадцати лет, угловатая копия отца, с таким же спокойным, слегка отстраненным взглядом.

В её будущем всё было ясно и логично: учеба, карьера графического дизайнера, никакой мистической чепухи.

—Мам, я свою комнату уже посмотрела.

Классно. Wi-Fi только быстрее бы провели, — сказала она, уткнувшись в телефон. — Ты тут как, не боишься?

Места много, можно привидений увидеть, или домового.

Она сказала это без тени иронии, просто констатируя факт. Карина не верила в привидения, как и во всю прочую «мамину мечтательную чепуху».

— Всё нормально, — улыбнулась Мария, повторяя любимую мантру мужа.

Дмитрий ушел вглубь квартиры, на ходу обсуждая с дочерью тарифы на интернет.

Мария осталась одна в центре пустой комнаты.

Солнце клонилось к закату, и длинные тени поползли по стенам, удлиняя и без того высокие потолки.

Она медленно пошла по коридору, заглядывая в комнаты.

Дом был лабиринтом из прошлого, полным загадок.

Вот глубокая царапина на полу — может, от бабушкиного комода?

А вот странный выступ в стене — потайная дверь?

Нет, просто игра архитектора.

Дверь в ванную была массивной, дубовой. Мария толкнула её, и та отворилась с тихим скрипом, словно нехотя.

И замерла.

Ванная комната была просторной, выложенной черно-белой кафельной плиткой, словно шахматная доска.

В воздухе висела прохлада и запах чистой старины.

Но главное — зеркало.

Огромное, в полстены, в тяжёлой, темной золочёной раме с причудливым резным орнаментом из виноградных лоз. Оно не просто висело — оно царило. Амальгама на краях слегка потемнела от времени, создавая эффект дымчатого туннеля, уходящего вглубь.

Мария подошла ближе. Её отражение было призрачным, пойманным в ловушку старого стекла.

Она видела уставшее лицо женщины за сорок, с тенью тревоги в глазах.

Она медленно подняла руку и коснулась кончиками пальцев холодной, почти живой поверхности.

В тот миг ей показалось, что стекло под её пальцами дрогнуло, словно поверхность воды, в которую бросили камень.

Эффект был мимолетным, почти неосязаемым.

Она списала это на усталость и перевозбуждение.

— Завтра, — прошептала она своему отражению, — завтра начнём новую жизнь.

И ей даже в голову не могло придти, что по ту сторону стекла, в том же самом месте, стоял мужчина.

Высокий, с пронзительным взглядом человека, привыкшего иметь дело с кодами и логикой, а не с чувствами. В его мире, опережающем мир Марии на два года, в 2026-м, царил строгий минимализм, а не теплый хаос переезда.

Его жена, Лидия, красивая, меланхоличная блондинка, в это время, наверное, тихо наигрывала что-то на пианино, а их сын Егор, восемнадцатилетний IT-гений и рок-барабанщик, уже мчался на своем байке на репетицию, ловя на себе влюбленные взгляды девчонок, которые его самого оставляли равнодушным.

Их жизнь была такой же обеспеченной, спокойной и предсказуемой.

Любовь в ней давно стала привычкой.

Его рука, повторив то же самое движение, только что встретила с её пальцами в одной точке пространства и времени, которую ещё предстояло открыть. Два года спустя.

Глава 2.

Дыхание за стеклом

Прошла неделя.

Беспорядок сменился относительным порядком.

Книги стояли на полках, посуда — в серванте, в спальне пахло свежим бельем.

Карина обжила свою комнату, оклеив одну стену постерами с играми, что было её формой бунта в рамках разумного.

Дмитрий с головой ушел в работу, снова став надежным, немного отстраненным кормильцем семьи. Жизнь входила в привычную, накатанную колею.

Мария отчаянно пыталась эту колею наполнить смыслом. Она устроила в самой светлой комнате свою мастерскую: расставила коробки с лентами, секаторами, запасом флористической губки. Но вдохновение не шло. Алые розы, которые она принесла из бутика, казались ей слишком яркими, почти кричащими на фоне приглушенных тонов старого дома. Мечта о море увяла, а новая — об уюте в этих стенах — всё не хотела прорасти.

В один из таких вечеров, чувствуя смутную тоску, она решила принять душ.

Горячая вода — её единственный, но верный способ смыть с себя напряжение дня.

Она зашла в ванную, щелкнула выключателем, и свет от старой люстры-таблетки упал на черно-белую плитку и на величественное, молчаливое зеркало.

Стоя под почти обжигающими струями, она закрыла глаза, позволяя воде унести прочь тревоги.

Она представляла себе шум моря, которого никогда не слышала вживую, заменяя его гулом воды в трубах. Когда она наконец выключила воду и отодвинула шторку, комната была полна пара. Воздух стал влажным и плотным, зеркало напротив целиком покрылось молочно-белой пеленой.

Мария потянулась за полотенцем, и её рука чисто механически, по привычке, потянулась к стеклу, чтобы стереть пар и увидеть свое отражение — уставшее, распаренное, реальное.

И в этот миг всё остановилось.

Проведя ладонью по мокрому, скользкому стеклу, она очистила не полосу, а целое окно. И в этом окне был не её размытый силуэт.

В зеркале, в такой же, но иной ванной, стоял мужчина.

Он был к ней спиной, его голова была слегка наклонена, будто он что-то рассматривал в собственных руках. Он был высоким, плечи под мягкой тканью домашней майки были широкими. Волосы, темные с проседью, были коротко и аккуратно подстрижены. Вся его фигура дышала спокойной, сосредоточенной силой.

Сердце Марии провалилось куда-то в пятки, а затем вырвалось в горло бешеным, неровным стуком. В ушах зазвенело. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд. Это была не галлюцинация. Это было слишком реально, слишком детально.

И тут, как будто почувствовав её взгляд, мужчина медленно, очень медленно повернулся.

Их взгляды встретились.

Он увидел её. Его глаза, серые и ясные, широко распахнулись от изумления. На его лице, умном, с четкими, волевыми чертами, не было ни страха, ни злобы — лишь абсолютное, оглушающее непонимание. Он смотрел на неё так, будто видел призрак. Или он сам был призраком.

Мария вскрикнула. Коротко, глухо, отшатнувшись и налетев на холодный край раковины. Боль в бедре была острой и реальной, вернувшей её в настоящее.

— Дим! — вырвалось у неё сиплым, чужим голосом. — Дмитрий!

Она отчаянно оглянулась на дверь, потом снова на зеркало. Мужчина стоял на месте, не двигаясь, его рука с каким-то гаджетом замерла в воздухе. Он тоже, казалось, не дышал.

Шаги в коридоре. Дверь распахнулась.

— Что случилось? — Дмитрий стоял на пороге, с телефоном в руке, на лице — смесь тревоги и раздражения. — Упала? Обожглась? Уронила что-то?

— Там... там... — Мария, дрожащей рукой указала в направлении зеркала.

Дмитрий взглянул. И фыркнул.

— Ну и что «там»? Испарина, — он пожал плечами. — Видишь, нервничаешь. Я же говорил, надо привыкнуть. Всё нормально.

Мария, не веря своим глазам, снова посмотрела в зеркало.

И увидела только себя. Распаренную, испуганную, с огромными глазами, полными ужаса. И отражение своего мужа за спиной, со спокойным и немного усталым лицом.

Там не было никого. Только её мир.

— Да... наверное, — прошептала она, чувствуя, как по телу разливается ледяная слабость. — Показалось.

Дмитрий потрепал её по мокрому плечу и вышел, что-то бормоча про «женские фантазии».

Мария осталась одна. Она подошла к зеркалу вплотную, почти касаясь его носом. Она вглядывалась в свою дрожащую тень, в знакомые черты. Ничего. Только пар снова начинал затягивать очищенный ею участок, делая отражение призрачным.

Но она знала. Она абсолютно точно знала, что видела. Другого человека. В другом месте. С другими глазами.

И когда она, погасив свет, вышла из ванной, у неё было стойкое ощущение, что по ту сторону стекла, в тишине чужой ванной комнаты, высокий мужчина с сединой у висков всё ещё стоял, прижав ладонь к холодному стеклу, и задавал себе тот же самый вопрос, что и она: «Что это было?»

И зеркало, храня свою тайну, молчало.

Глава 3.

Отзвук в тишине

Мир за зеркалом. 2026 год.

Максим стоял посреди ванной комнаты, не двигаясь. Его пальцы сжимали смартфон с только что установленной новой версией нейросети, которую он тестировал. Но сейчас все строки кода, все алгоритмы вылетели у него из головы. В ушах стоял оглушительный звон собственного потрясения.

Он видел. Он абсолютно точно видел.

Женщину. С мокрыми темными волосами, прилипшими ко лбу и щекам. С огромными, полными ужаса глазами цвета спелого миндаля. Она была не здесь. Она была... в отражении. Но это было не его отражение. Это была она. Настоящая, живая. Он даже успел заметить капли воды на ее коже и маленькую родинку у ключицы.

А потом она вскрикнула и исчезла, замещенная расплывчатым силуэтом другого человека, а затем — и вовсе его собственным, привычным отражением, в котором застыло недоумение.

«Сенсорная галлюцинация? — быстрым, логичным скачком пронеслось в голове. — Переутомление. Проект. Недосып. Надо записаться к неврологу».

Он поднес руку к зеркалу, коснулся кончиками пальцев холодной, непроницаемой поверхности. Никаких вибраций. Никакой магии. Только гладкое стекло.

— Пап, ты там чего застрял? — из гостиной донесся голос Егора. — У меня репетиция через полчаса, мне бы в ванную.

— Иду, — хрипло отозвался Максим, заставляя себя отойти.

Он прошел в гостиную, где царил стерильный порядок умного дома. На стене плавно сменяли друг друга абстрактные голографические узоры. Лидия, его жена, элегантная блондинка с голубыми глазами, сидела в кресле-яйце, с планшетом на коленях, и тихо наигрывала что-то классическое. Она выглядела как всегда — красиво, спокойно, отстраненно.

— Ты какой-то бледный, — заметила она, не отрывая взгляда от экрана.

— Голова болит, — соврал Максим. — Дорабатываю новый модуль.

Она кивнула, удовлетворенная логичным объяснением. В их мире всё имело объяснение. Всё, кроме того, что он только что видел.

Весь вечер Максим был не в себе. Он ловил на себе взгляды Лидии — спокойные, немного усталые. Он смотрел на Егора, который, нацепив косуху, мчался на свою репетицию, полный юношеского максимализма и уверенности, что мир — это простая и понятная система.

И ему становилось не по себе. Он, строитель цифровых вселенных, столкнулся с чем-то, что не укладывалось ни в один известный ему цифровой код.

А потом, поздно ночью, когда в квартире воцарилась тишина, он снова пошел в ванную.

Он не включал свет, только синий отсвет уличных фонарей падал на кафель и на темную поверхность зеркала. Он стоял и смотрел в собственную тень, пытаясь силой мысли пробить эту стену. Ничего.

«Сон наяву», — окончательно решил он и уже хотел уйти.

И тут он ее увидел.

Не в зеркале. А в отражении темного экрана выключенного голографического проектора, что висел на стене напротив. На мгновение ему снова показалось ее лицо — испуганное, вопрошающее.

Он резко обернулся. Никого.

Сердце заколотилось с новой силой. Это не было галлюцинацией. Это было... присутствие.

Он подошел к зеркалу и, чувствуя себя полным идиотом, поднес к стеклу ладонь.

— Ты... настоящая? — прошептал он в тишину.

Ответом была лишь гулкая пустота. Но где-то в глубине души, в том месте, где заканчивалась логика и начиналось что-то древнее и иррациональное, он почувствовал слабый, едва уловимый отзвук. Отзвук чужого страха и такого же, как у него, недоумения.

В этот же самый момент, только в своем мире 2024 года, Мария тоже не могла уснуть. Она ворочалась, глядя в потолок, где танцевали тени от фар проезжающих машин.

— Не спишь? — пробормотал во сне Дмитрий, поворачиваясь на другой бок.

— Спи, я просто воды хочу, — соврала она.

Она вышла в коридор и остановилась перед дверью в ванную. Рука сама потянулась к ручке. Она зашла внутрь, не включая свет. Лунный свет серебрил края золоченой рамы. Зеркало было черным, бездонным.

Она сделала шаг. Потом еще один. Она боялась и в то же время чувствовала неодолимое тяготение.

— Я не придумала, — тихо сказала она в темноту, обращаясь к тому, кого, возможно, и не существовало. — Я тебя видела.

Она подняла руку и, зажмурившись, прикоснулась к стеклу.

И снова — ничего. Только холодная, неумолимая поверхность.

Она уже хотела отойти, разочарованная и уставшая, но тут ее взгляд упал на ее собственную ладонь, все еще прижатую к зеркалу. На кончиках ее пальцев остались едва заметные следы от крема для рук.

И вдруг, чисто инстинктивно, она провела указательным пальцем по стеклу, оставляя тонкую, блестящую полосу.

Она не знала, зачем она это делает. Возможно, это был крик о помощи. Возможно, попытка доказать себе, что она не сошла с ума.

Она вывела на мокром от ее дыхания стекле одно-единственное слово, обращенное в никуда, в пустоту, в другое измерение:

«КТО?»

Глава 4.

Вопрос на стекле

Следующие два дня Мария жила как во сне.

Она механически ухаживала за цветами в бутике, собирала букеты, улыбалась клиентам, но внутри всё было опустошено и напряжено. Она ловила себя на том, что пристально вглядывается в лица незнакомых мужчин на улице, в витрины магазинов, в любые отражающие поверхности — бессознательно пытаясь найти того, одного.

Дмитрий заметил её отрешенность.

—Ты всё ещё не оправилась от того вечера? — спросил он за ужином, скептически приподняв бровь. — Мария, это смешно. Зеркала не врут.

—Зеркала не врут, — тихо согласилась она, — но они могут показывать не только то, что мы ждём увидеть.

Карина фыркнула:

—Мам, ты как героиня из какого-то фэнтези. Может, тебе просто витаминов попить?

Они не понимали. Они жили в мире твердых фактов и логических построений. Её мир дал трещину, и в эту трещину хлынуло нечто иррациональное, пугающее и до головокружения манящее.

На третий день, вернувшись с работы раньше обычного, Мария оказалась одна в квартире. Тишина была гулкой, почти звенящей. Она прошла в свою мастерскую, взяла свою любимую помаду — оттенок «глубокий гранат», который Дмитрий считал слишком ярким для будней. И с решимостью направилась в ванную.

Она подошла к зеркалу. Его поверхность была чистой и холодной. Она смотрела на свое отражение — женщина с темными волосами и помадой в руке, которая собирается совершить нечто безумное.

«Я или не я?» — пронеслось в голове.

Она глубоко вдохнула, поднесла помаду к стеклу и быстрым, почти небрежным движением вывела заветное слово, которое мучило её все эти дни:

«КТО?»

Алый, почти кровавый след ярко горел на фоне темной амальгамы. Она отступила на шаг, сердце бешено колотилось. Она ждала. Пять секунд. Десять. Ничего. Только её собственное, испуганное отражение и дерзкий, кричащий вопрос, обращенный в никуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.